

A close-up portrait of a young woman with long, dark brown hair and light brown eyes. She is looking slightly to the left with a gentle smile. The background is a soft, out-of-focus white.

*Кругом шиповник алый цвет,
стояли темных лип аллеи...*

ТАТЬЯНА ТРОНИНА

A landscape photograph showing a dense forest of trees with vibrant autumn foliage in shades of orange, yellow, and red. The trees are reflected in a calm body of water in the foreground.

*На темных
аллеях*

Татьяна Трoнина

На темных аллеях (сборник)

«ЭКСМО»

Трoнина Т. М.

На темных аллеях (сборник) / Т. М. Трoнина — «Эксмо»,

Перед вами сборник рассказов Татьяны Трoниной. В каждом из них – история любви, страстной, жертвенной, романтической, убийственной, короткой или пронесенной сквозь годы. История Егора, женившегося на странной девушке Лиде, который любит ее и ненавидит одновременно, мечтает о другой жизни, но страдает, когда его мечты воплощаются в реальность. История американца Дика, приехавшего в Россию на время и оставшегося навсегда... Каждый читатель найдет в этом сборнике что-то свое.

© Трoнина Т. М.

© Эксмо

Содержание

Ночь вдвоем	5
Амазонка	13
Военные потери	17
Золушка	23
Крутое порно	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Татьяна Тренина

На темных аллеях (сборник)

Ночь вдвоем

...Дождик не дождик, а так, какая-то нудная морось. Октябрьский вечер дышал знобким холодом. От фонарей по черному асфальту расползлся медными брызгами свет, но не разогнал тьму, наоборот – он своим призрачным мерцанием приближал тоскливую осеннюю ночь.

Промозглую тишину нарушал только стук каблучков. Последняя прохожая торопилась домой...

Это была молоденькая девушка, очень молоденькая – недаром каблучки ее выбивали торопливую, порывистую, неуверенную дробь, словно сами туфельки удивлялись тому, что их хозяйка рискнула столь поздно выйти на улицу.

Тоненькая, невысокая, в коротком сером пальтишке, в сером берете, натянутом до бровей, с бледным личиком и бледными губами – девушка оглядывалась по сторонам с сердитым, расстроенным выражением, словно заранее готовясь закричать надоедливый прохожим – «отстаньте же от меня!».

Но никто и не думал ей надоедать, улицы были пусты, и это обстоятельство раздражало девушку не меньше.

...Каким образом это невинное создание оказалось посреди ночного города, да еще без провожатых? Непонятно. Но, наверное, даже самая благоразумная из девиц хоть раз в жизни, да и попадает впросак, переоценив свои возможности. Одна досадная мелочь начинает цеплять за собой другую – например, засиделась в гостях у подружки, заболталась, а потом опомнилась – бог ты мой, а уже ведь поздно! А проводить – некому, и встретить – вдруг тоже некому, остаться – никакого желания, нестерпимо хочется домой, где все свое и родное... Ну и вот, в результате взбалмошная девица оказывается на пустынной улице, ночью, одна, и ее каблучки исполняют на мокром асфальте прерывистое стаккато досады и упрямого отчаяния.

...Рядом, по широкому шоссе, на большой скорости иногда проезжали машины, заставляя девушку вздрагивать и тесниться ближе к домам. Некстати ей вдруг вспомнились сводки криминальных новостей – случалось, что нехорошие люди иногда заталкивали девиц к себе в авто, увозили далеко... Ужас-ужас. С некоторым облегчением девушка свернула на соседнюю улочку – маленькую, узенькую. Тут машины не ездили и было совсем тихо, но эта тишина теперь успокаивала – никого же вокруг, значит. И правда, даже любителей выпить пива на лавочке не наблюдалось, эта холодная осенняя ночь разогнала всех по домам! Жилые дома вокруг, и свет еще горит в некоторых окнах – так мирно, успокаивающе... Напоминая, что и девушку ждет уютное гнездышко.

Но тут впереди неожиданно возникло препятствие – дорога была перегорожена железной сеткой. За сеткой, в свете фонарей жирно блестела мокрая земля, чернел вскрытый асфальт. Какие-то ямы с торчащими трубами...

Девушка замерла, с изумлением рассматривая препятствие – этим днем его еще не существовало!

Ладно, плевать. Можно дворами обойти. Сжав губы, отчаянно сведя брови, девушка повернула в проулок.

Тут стояла почти крошечная тьма. Пахло холодной сыростью. Девушка пробежала вдоль офисного здания с черными окнами, еще раз свернула. Дальше стоял особняк – старинный, пустой, весь в паутине строительной сетки – забытый, ждал который год реставрации. Какие-то звуки из окон – померещилось? Страшно... Кто там, в темноте – призраки или живые?

Бегом, бегом. Девушка свернула в еще один заброшенный проулок и замерла, чуть не споткнувшись, растопырив локти. Дорогу вместе с тротуаром перегораживали машины. Очередное препятствие или нет?

...Сначала-то она совсем не испугалась, поскольку те две длинные черные машины, что стояли поперек, выглядели чрезвычайно солидно. На подобных авто должны разъезжать, по меньшей мере, дипломаты! Кроме того, возле машин стояли люди, тоже на первый взгляд солидные и строгие. Один из них находился чуть в стороне, в свете скрещенных фар – как будто радушный хозяин вышел проводить гостей... Да, на первый и очень беглый взгляд ничего страшного в этой картине не было, но только на первый... В следующее мгновение девушка ощутила неясную тревогу – «гостями» являлись одни мужчины, все в черном, с каким-то уж слишком однотипным выражением лиц. Мрачным и суровым.

Один из этих мужчин властным голосом приказал что-то, другой вдруг поднял руку, и раздался негромкий треск, вспышка... А тот, которого девушка приняла сначала за радушного хозяина, схватился за грудь и упал – так, что свет от фар лег ему на спину крестом.

Треск прозвучал не слишком громко, а вспышка не выглядела слишком яркой, поэтому девушка сначала не поняла ничего, она по инерции (скорей-скорей, домой!) сделала еще пару шагов, словно кто неведомый толкал ее в спину... И оказалась в свете фар. Совсем близко к упавшему «хозяину».

Она опустила голову и увидела, как струйка чего-то густого и темного, выползшая из-под тела, коснулась мыска одной из ее туфель. Над струйкой в холодном воздухе курился легкий-легкий парок.

Лишь тогда девушка смогла остановиться и осознала, что на ее глазах только что убили человека. Треск и короткая вспышка – были выстрелом.

Машинально, подчиняясь привычке (а что еще оставалось делать в экстремальной ситуации?), девушка потянулась к своему карману и вытащила из него мобильный телефон.

Но люди у машин тоже не дремали, мгновенно встрепенулись, заметив припозднившуюся прохожую. Главарь, тот мужчина с властным лицом, обернулся к киллеру и показал на девушку пальцем.

Слов его девушка не расслышала, хотя находилась совсем рядом, – страх лишил ее на время слуха. Но ей и не нужно было ничего слышать, внезапным наитием она поняла, что ее тоже должны сейчас убить. Потому что она – свидетельница.

И, пока киллер поднимал руку во второй раз (точно как в кино, в замедленной съемке!), девушка, даже не вскрикнув, развернулась и молнией помчалась назад – в одно мгновение жажда жизни придала ей ускорение. И вот уже к ней вернулся слух...

Приятный, глуховатый звук мотора сзади. Едут? За ней?

Значит, на широкую улицу выбегать нельзя – инстинктивно догадалась девушка, потому что на прямой дороге машины догнали бы ее в один момент. Она старалась держаться возле домов и при первой возможности свернула в очередной темный переулок.

Каблучки ее теперь колотились об асфальт практически без пауз – дробное стаккато превратилось в непрерывное легато. Девушка нестерпимо хотела жить! Ибо в тот момент, когда пистолет поднимался во второй раз, целясь в нее уже, она поняла, что до того и не жила вовсе, что век ее был короче однодневного полета бабочки. А любовь? Господи, она же еще никого не любила даже...

Ничего не сделано. И ничего еще не сбылось. Обидно, блин!

...Она снова свернула, петляя, еще раз повернула куда-то, молнией обогнула какой-то длинный, темный, пропахший коммунальными ароматами тихий дом, типа общежития – а днем он, наверное, гудит, как огромный муравейник... Перед глазами в сумасшедшем танце плясали черные и желтые круги – это ночь мешалась с мертвым искусственным светом.

Она уже очень далеко убежала от того места, где произошло убийство, она даже смогла вполне ощутить, что во времени и пространстве сумела оторваться от страшного события. Только тогда она позволила себе чуть замедлить бег... Неужели избавилась от погони?

Девушка обернулась, с мольбой вгляделась в осеннюю ночь – тихо, безлюдно... но это и хорошо! Вдох облегчения уже был готов вырваться из ее груди. Она остановилась, дрожащими пальцами принялась нажимать кнопки на телефоне, который все еще сжимала в ладони... Надо срочно позвонить домой! Но не успела – вдруг заметила черную, чернее этой ночи, приближающуюся тень. Девушка сразу узнала этот плащ, эти скупые, размеренные движения – о, их уже не забыть, наверное, никогда... Телефон выскользнул из ее влажной ладони и хрустнул, разлетаясь по асфальту осколками пластика.

И тогда девушка снова побежала, стремясь обогнать время. Она ждала выстрела сзади... Надо было кричать, звать на помощь, но горло стиснул ужас, и вместо крика из него вырывалось только хриплое дыхание, смешанное с каким-то жалким, ничтожным писком.

Девушка бежала, поминутно оглядываясь, и каждый раз все надеялась, что черная фигура сзади исчезнет.

Он же, ее преследователь, как бы и не торопился даже, словно не сомневался – жертва от него не ускользнет. И это его методичное, упорное движение вперед напоминало механику робота, машины. Он, по сути, и был машиной, запрограммированной убивать. Киллер же! – напомнила себе девушка. Убил того мужчину по приказу, теперь по приказу должен убить и ее, как свидетельницу. Ничего человеческого, живого, думающего самостоятельно, сочувствующего не проглядывало ни в одном его жесте.

Но он не стрелял сейчас – это было странно. Почему? – опять мелькнуло в голове у девушки.

Наверное, по каким-то особым, бандитским соображениям, неизвестным ей. Возможно, он хочет догнать непрошеную свидетельницу и своими безжалостными лапищами пережать ее горлышко. Оно тихо хрустнет, и – все. Нет выстрела, нет пули, нет улик. Да, точно. Кто потом догадается, что эти два убийства на разных улочках связаны между собой?

Киллер не отставал. И в его движениях по-прежнему не чувствовалось усталости. А в голове у девушки тем временем завертелись отрывки воспоминаний из когда-то прочитанных детективов. Ах, как просто было тогда листать страницы и морщиться иногда недовольно – хм, тут саспенса не хватает, а вот тут – затянуто. Но зато теперь она сама – в центре криминальной разборки! И роль у нее незавидная – роль жертвы.

Вдруг девушка увидела яркую неоновую вывеску, под ней – приоткрытую дверь. Малиновый свет, льющийся из щели, музыка... Там – люди!

Не помня себя от радости, девушка доковыляла из последних сил до волшебной двери, влетела внутрь.

И очутилась в обыкновенном ночном кафе.

Дрянное заведение, надо сказать. Убогое. Поцарапанные пластиковые столики – даже клетчатых скатерок, обычных в любой забегаловке, не могли на них накинуть. Парочка влюбленных в углу... размалеванные девицы за другим столиком... бледный тип с неестественно густыми бровями потягивал какую-то фиолетовую жидкость, больше похожую на чернила, нежели на питье. За стойкой снулый бармен перетирал стаканы... ну да, что же еще делать этим барменам!

Все это девушка ухватила одним взглядом, а в следующее мгновение – в кафе зашел ее преследователь.

Может быть, все это только сон?

Девушка дернулась к стойке, шепотом попросила у бармена телефон. Бармен поморгал недоуменно, пожал плечами. Сообщил, что телефон – только служебный, в комнате администратора, а администратора нет.

Ну да, сейчас же у всех сотовые... Внезапно девушка осознала, что она упустила свой шанс. Если бы она вбежала внутрь, с самого начала зовя о помощи и крича – ей бы поверили. А если она сейчас, спустя драгоценные секунды и минуты поднимет шум, то... Странновато это будет выглядеть. Не поверят – вбежала, покрутилась, поспрашивала и потом только на помощь стала звать. Пожалуй, за сумасшедшую примут. Или же... Или она закричит, а киллер возьмет, да и перестреляет тут всех?

Тогда девушка попросила стакан чая. Бармен налил ей теплого желтого чая, глядя при этом рыбьими, мутными глазами. Девушка решила: надо сесть и подумать немного, что делать дальше – пока она еще не дала киллеру повода нападать здесь и прямо сейчас. А в данный момент... надо передохнуть немного.

Пошарила в кармане, положила на стойку пару металлических монет – они громко звякнули, заставив девушку вздрогнуть. Она села за столик у стойки, на самом виду...

Ее преследователь словно читал мысли своей жертвы – он тоже был не прочь отдохнуть. Заказал себе кружку пива и расположился возле двери, отрезая путь к отступлению.

Ах, какое наслаждение – сидеть... Ноги у девушки ныли невыносимо. Все эти дурацкие каблук!

Постепенно болезненная дрожь, сотрясавшая все ее тело, утихла. Девушка, прихлебывая сладковатую бурду, осторожно косилась на своего преследователя.

А вот он не смотрел на девушку, хотя и сидел лицом к ней, он уставился в какое-то неопределенное место на стене. Так обычно ведут себя сильно задумавшиеся люди. Впрочем, никак нельзя положиться на это расслабленное отрешение, только пошевелись – молниеносно прихлопнет, насмерть. Точно муху.

Она искоса рассматривала его.

Итак, это был мужчина лет тридцати пяти – сорока, с широко развернутыми и приподнятыми плечами – как у спортсмена. Кружка пива почти терялась в его огромных, твердых ладонях. Черные волосы, чуть тронутые сединой, были густы и аккуратно подстрижены. Тщательно выбрит, черты лица правильны и красивы, хотя и вполне заурядны – лицо актера второго плана...

В общем, ничего отталкивающего (формально) в его внешности не было, да еще этот спокойный взгляд, устремленный в пространство... Как будто отдыхает человек. А ведь он наверняка думает сейчас о том, как лучше и удобнее прикончить свою жертву. О нет, он не на отдыхе, он на работе!

Внезапно одиночество девушки оказалось нарушенным. Тот субъект с густыми бровями заинтересовался ею и подсел поближе, за ее столик. Бедняжка встрепелась, теща робкую надежду – а вдруг этот бровастый поможет ей? Субъект не представился, но зато с ходу, как будто давний и близкий знакомый, заговорил фамильярно. Потом, как будто невзначай, накрыл своей ладонью ее руку. Девушка машинально улыбнулась (убрать руку или нет?), дребезжащим голосом ответила дежурной любезностью и, не снимая с лица улыбающейся маски, зашептала о своей беде. Тип с бровями вначале ничего не понял, но постепенно, когда он вник в ее отчаянный лепет – об убийстве, человеке в черном (вон тот, да-да, тот самый, что за столиком у дверей!), о пистолете, о просьбе позвонить куда следует (у вас ведь наверняка есть сотовый?), – фамильярное выражение стерлось с его лица и он сам отдернул руку.

Грубым и испуганным голосом бровастый ответил, что неприятности ему не нужны – у него, дескать, своих и так полно, и вообще, каждый за себя, каждый за себя, детка... выпутывайся сама, адью.

Бровастый в один глоток допил фиолетовую жидкость и нервной походкой заторопился к двери, словно вспомнив о срочном деле.

Убийца, не отрывая взгляда от трещины на стене, усмехнулся и слегка качнул головой. Похоже, он даже посочувствовал девушке.

Она еще раз осторожно огляделась. Девушки за соседним столиком ответили на ее взгляд раздраженными гримасками. Плохие девочки. Испуганный, растерянный и притом слишком приличный вид девушки, сидевшей неподалеку, – чрезвычайно им не понравился. Да, вероятно, они не относили себя к маменькиным дочкам и терпеть не могли таковых.

Бог с ними... Девушка заметила дверь в туалет. Точно, за стойкой нависала портьера, а за ней был виден коридор и дверь со знакомым символом на табличке! Слабая надежда затеплилась в сердце жертвы. Стараясь не делать резких движений, будто она находилась в одной комнате со злобной собакой, девушка медленно встала из-за стола и направилась в сторону коридора.

Убийца за столиком не пошевелился. Только опять усмехнулся, кажется.

...К несчастью, туалет оказался маленьким глухим закутком с хлипкой дверкой, и – никакого намека на окно, в которое можно было бы выбраться. Глухие стены. Девушка улыбнулась растерянню, зачем-то спустила воду и выскользнула наружу.

Выглянула из-за портьеры – в зале стояла тишина, ничего не изменилось. Все те же лица – бармен, девушки, влюбленные, убийца с кружкой пива.

А вот слева... Девушка заметила еще коридорчик, ведущий в какие-то подсобные помещения – кухню, вероятно. Остатки съедобных запахов защекотали ее обоняние... А вдруг там, дальше – второй выход? Осторожно, осторожно, не стучать каблуками. Девушка сделала один шаг влево, потом еще один шаг.

...Она мчалась по пустым полутемным комнатам и дергала все двери подряд, пока одна из них не подалась и в лицо ей резко не ударил холодный воздух.

Задний двор. В свете фонаря – помойка, глухие кирпичные стены и две огромные крысы, приснувшие от мусорных баков в разные стороны.

Но другого пути, впрочем, не существовало, и девушка побежала вдоль грязной сырой стены, испещренной убогими надписями. Она бежала на самых мысочках, стараясь ни единым шорохом не нарушить тишину этой мрачной ночи.

Сзади густела тишина, только вот кошка как будто мяукнула... Или скрипнула дверь за киллером, бросившимся в погоню?

Высотный жилой дом перегораживал дорогу, и дверь в подъезд была открыта, точно призывающая... или опять заманивая.

Девушка долго не думала – юркнула в подъезд и побежала вверх по ступеням. Темные пролеты, опять рисунки на стенах. Пахнет кошками и жареным луком...

Лихорадочно шаря по стене, девушка отыскивала возле дверей кнопки звонков и изо всех сил нажимала на них, а потом торопилась дальше, боясь потерять время. Вдруг та дверь, которая откроется и подарит ей спасение, находится этажом выше...

Звонки трещали коротко и пронзительно, но тишины за дверями они не могли нарушить. Люди или спали крепко, или были абсолютно равнодушны к тому, что творилось снаружи, они, наверное, как и тот субчик из кафе, не хотели лишних неприятностей. Потому что ночные звонки – они всегда связаны с неприятностями.

Девушка потеряла счет этажам. Она задыхалась. Склонилась над перилами и... и увидела внизу тень – огромной летучей мышью, беззвучно, тень мчалась по ступенькам вверх. Он. Он никуда не исчез, этот человек с профилем актера второго плана.

Девушка вскрикнула едва слышно и бросилась бежать от надвигающегося кошмара тоже вверх. Но через несколько пролетов она заметалась по площадке последнего этажа. В двери она уже не звонила и даже кричать не пыталась, потому что знала – бесполезно.

В своих метаниях она спиной наткнулась на приставную железную лестницу, ведущую куда-то вверх, к потолку.

Развернулась и, цепляясь дрожащими руками за перекладины, стала карабкаться по лестнице. Обнаружила люк в потолке, ошупью нашла задвижку, рванула ее, потом затылком и пле-

чами уперлась в дверцу. И та, к ее безумной радости, поддалась. Девушка откинула люк, чувствуя, как пальцы купаются в многолетнем мягком прахе, покрывающем пол чердака.

На чердаке, как ни странно, было светлее, чем в подъезде – наверху, под черными балками, мерцала тусклая лампочка... Пахло голубями, старой мебелью.

Только сейчас девушка поняла, что сама загнала себя в ловушку. Уж здесь киллер расправится с ней без всяких проблем! Она хотела закрыть люк, но задвижки со стороны чердака не оказалось. И забаррикадироваться невозможно – вокруг только старые плетеные кресла, ветхие этажерки – все такое легкое, ненадежное. Детская коляска, стул без сиденья...

Сдерживая рвущиеся из груди рыдания, девушка бросилась на другой конец чердака, между тем как люк за ее спиной скрипнул, открываясь во второй раз, и до ушей девушки донеслось глубокое, мерное дыхание ее преследователя.

И вот он уже тоже барахтается в нежной пыли, и вот он снова на ногах и топает вслед за своей жертвой...

Девушка прыгала по скрипучим доскам, инстинктивно отбрасывая попадающийся на ее пути хлам за спину, под ноги своему преследователю, пытаясь тем самым хоть на секунду задержать его. Она по-прежнему очень хотела жить.

Глазами девушка ощупывала мертвенную полутьму вокруг в поисках другого выхода, и когда все-таки увидела его – такой же люк в полу, – то снова возликовала безмерно и из последних сил рванула этот люк на себя.

Он не поддался!

Ужасная мысль мелькнула у нее в голове – а что, если и этот тоже запирается только снаружи?..

Она застонала и еще раз рванула люк на себя, мысленно обращаясь к Богу, еще к кому-то – кто до этой ночи хранил ее маленькую жизнь... И люк открылся. Мощное, ритмичное дыхание ее преследователя между тем уже слышалось рядом.

Девушка не спустилась, а скорее – рухнула вниз, задерживая свое падение только руками, которые продолжали инстинктивно цепляться за ступени железной стремянки, ведущей вниз. Еще одна перекладина. Один шаг – и вот она, ровная поверхность.

Девушка успела.

Вернее – она *почти* успела спуститься вниз с чердака на последний этаж соседнего подъезда. Почти – поскольку вслед за ней в подъездную полутьму потянулась сильная рука, и эта рука в жадном и нетерпеливом рывке успела ухватить девушку за воротник пальто.

Девушка повисла в сумрачном пространстве над полом. Она подняла голову вверх. Лицо мужчины было в полуметре от ее лица. Двое смотрели друг другу в глаза. Она – с мольбой, отчаянно, он – с холодным любопытством.

Это длилось пару секунд. Убийца не смог подтянуть жертву к себе. В этот раз не успел он – потому что девушка просто подняла руки и выскользнула из собственного пальто. Так ящерицы отбрасывают хвост, не задумываясь ни на секунду.

...Она уже бежала вниз по ступеням, мимо новых молчаливых квартир, и с каждой ступенькой в ее душе росли ожесточенное упрямство и надежда. Это второе дыхание открылось у нее – теперь, когда она надеялась только на собственные силы.

Дверь второго подъезда выходила на широкую улицу – это хорошо, что не в тот глухой двор. От долгой погони бегунья покрылась испариной – и, выскакивая из подъезда, она ожидала, что холод пронзит ее всю, мокрая рубашка на теле заледенеет моментально.

Но осенняя промозглая сырость не ощущалась – только бодрящая свежесть, а с ней – возможность бежать легко и быстро.

Девушка не оглядывалась, она уже привыкла к тому, что в спину ей, не отставая, дышит опасность, ей достаточно было ловить за собой топот и мерное, глубокое дыхание преследователя, и машинально, на слух, определять расстояние, отделяющее их друг от друга.

Пейзаж постепенно менялся – фонари все реже попадались на ее пути, дома вокруг становились все более безликими и огромными. Окраина. Спальный район.

И опять, как назло, – ни одного прохожего. Неверные мужья уже давно вернулись домой, а собачникам еще рано выгуливать своих питомцев. Час безвременья...

Сейчас спасти девушку могла только быстрота ее ног. Два неуловимых движения – и туфли были отброшены в сторону.

Теперь она бежала босиком, каблуки не мешали ей, пальто не стесняло движений. Так маленькая юркая кошечка легко ускользает от груды мускулов – злобного бульдога.

Дыхание бегущего за ней человека становилось все тяжелее и громче – и теперь девушка позволяла себе останавливаться на несколько мгновений, чтобы отдышаться и осмотреться по сторонам. Внезапно она заметила, что черный ночной воздух становится прозрачнее, словно кто-то разбавляет его молоком. Неужели рассвет? А ей казалось, что прошло всего полчаса после убийства, свидетельницей которого она стала.

Город кончался – впереди сплошной неровной полосой растянулся лес. Уже не останавливаясь, девушка мчалась к нему – ей казалось, что по коврику мягких опавших листьев она сумеет убежать далеко-далеко и никто не найдет ее в лабиринте деревьев.

Вероятно, догоняющий ее человек почувствовал то же самое – насколько ей лес казался желанным, настолько он не желал оказаться в нем, в глухой, гасящей все звуки полутьме. Какое-то шестое чувство заставило девушку оглянуться, и вовремя – убийца достал из кармана пистолет и уже поднимал руку. Знакомым блеском сверкала в этой руке сталь. Тоска...

Девушка охнула; беспомощно, бездарно споткнулась – и со всего размаха полетела на мокрую скользкую дорогу – перед самым лесом.

И, падая, она почувствовала, что силы вдруг покидают ее, что вспышка страха уничтожила последние из них – в отличие от того, первого раза, когда она сумела стать стремительнее времени. Близость смерти каждый раз действует по-новому.

Ее преследователь передумал стрелять, сунул пистолет обратно в карман и даже замедлил шаги – теперь он мог догнать ее без проблем. Его огромные руки при каждом шаге вырывались вперед, точно заранее готовились задушить свою жертву.

Девушка не ощущала боли от удара о землю – вероятно, она и не ушиблась даже, впрочем, сомнительно называть такие падения удачными. Все ее тело точно парило в какой-то невесомости, оно перестало подчиняться ей, хотя мозг посылал нетерпеливые сигналы – бежать! бежать!

Она могла только тихонечко всхлипывать – жалко, беспомощно, устало.

Когда убийца был от нее уже в нескольких шагах (по времени – пара минут до смерти, наверное), она стянула с головы свой серый беретик и провела им по грязному и мокрому лицу. Этакая прилежная паинька, которая даже смерть хочет встретить с чистой мордашкой.

Под серым беретом, оказывается, пряталась копна рыжих, нет, даже огненных волос. В предрассветном, мутном сумраке они сверкнули, как встающее из-за горизонта солнце.

Убийца остановился в полуметре от нее. Он переводил дыхание перед тем, как шагнуть в последний раз. Эти яркие волосы почему-то смутили его – до того он видел в девушке лишь невзрачную серую мышку, которую совсем не жалко прихлопнуть. Эти волосы оказались слишком яркими, слишком красивыми. «Так вот ты какая!» – озадаченно подумал он. А еще он не мог не восхититься ее стойким характером, ее силой, ее жаждой жизни.

Она плакала, он стоял над ней... Кончалась ночь.

Вдруг мужчина наклонился и поднял девушку своими железными руками – так берут на руки детей, чтобы успокоить. Положил ее голову к себе на плечо.

Он шел по лесной тропинке и напевал что-то смутное низким, грубым, непривычным к нежности голосом – «аа-ааа, аа-ааа...» – и баюкал ее, и баюкал. А она плакала, лежа щекой на его плече.

Он больше не мог причинить ей зла. После проведенной вместе ночи они уже не были чужими друг другу.

Амазонка

Лифт был сломан.

И толку-то – досадовать теперь? Эмоциями делу не поможешь. Поэтому, подпрыгнув и сместив рюкзак за плечами на нужное место, Катя бодро подхватила лыжи и связку громоздких ботинок (в которых так легко было кататься на горных склонах и которые так неудобно тащить в руках) и методично затопала вверх по лестнице.

Забравшись, наконец, на свой этаж, она вся взмокла, но ничуть не устала. Мышцы, натренированные на Домбае, работали без напряжения – ведь их хозяйке было только девятнадцать.

Открыла дверь Даша, старшая сестра, потрепала за волосы и сварливо заметила, что «ты, Катя, провоняла вся в этих горах». От лыж и рюкзака и правда несло смолой и костром, и еще тем особым запахом, которым всегда пропитываешься в походах и который столь непривычен и странен для всякого домоседа.

Катя запихнула свое снаряжение в кладовку и только потом заперлась в ванной.

Перед тем как включить душ, она услышала из-за двери голос Дашиного мужа, Мити. Значит, он тоже был дома. Кажется, зять спросил: «Катя вернулась?»

– Катя, ты есть будешь? – крикнула с кухни Даша.

– Нет!

Катя ответила так, хотя была чудовищно голодна.

...Родители назвали их именами прелестных сестер из романа Алексея Толстого, правда, Катя – младшая. У них была разница в одиннадцать лет, и они совершенно не походили друг на друга. Даша – пухлая невысокая болтушка, ленивая и самоотверженная одновременно, любительница покричать на своих близких, впрочем, без всякой злобы, кудрявая и веселая – словно опереточный Керубино. Молодая женщина носила цветастые платья, мазала губы помадой малинового цвета и обожала парфюм с фруктовыми нотками.

Катя – выше сестры на целую голову. Она редко смеялась и никогда не плакала. Свои темные прямые волосы она стригла под мальчишку. И духами почти не пользовалась. Круглый год ходила в джинсах и майке, казалась неуклюжей и вялой – но это только на первый взгляд. И только в городе. В походах Катя выглядела совсем по-другому. Скупые, точные движения, грация дикой кошки... Мускулы вздувались на ее руках, мощно двигались бедра. Однажды летом на Алтае она чуть не задушила своими ногами некоего жителя гор, довольно крупного мужчину – когда тот без приглашения вздумал ранним утром залезть в Катину палатку. Как сайгак потом убежал прочь...

Родители Кати и Даши умерли очень рано. Катю воспитала старшая сестра с мужем Митей.

Митя. Митя... Пусть она умрет от голода, но оттянет момент встречи с ним.

Поэтому после душа Катя быстро проскользнула к себе в комнату, юркнула в постель и надела наушники. Что она слушала, какую музыку? А все равно какую, лишь бы погромче, лишь бы не слышать невзначай *его* голос. Катя даже пропустила тот момент, когда прибежала из школы Милочка, племянка, и что было сил забарабанила в закрытую дверь.

– Катя, Катя! У меня новая кукла! – отчаянно и страстно кричала девочка. – Открой, я покажу, как она умеет разговаривать!.. Она – интер... интерактивная!

* * *

Они все-таки столкнулись нос к носу утром, на кухне, у плиты. Даша и Милочка уже ушли.

– С приездом, – своим глухим голосом сказал Митя.

В ответ Катя промычала что-то. Он продолжил пить чай. Наверное, только что пришел с дежурства. Сцепив зубы, девушка стремительно залила геркулес кипятком, плеснула в тарелку немного оливкового масла. Когда она натирала себе морковь, то сломала на мизинце ноготь.

– Опаздываешь? – голос у него был тихий, невнятный, без всяких интонаций. Он допил чай и теперь мыл чашку.

За что его Даша любила? Серый, невзрачный. Никакой. Терапевт!

Катя пожала плечами. Она никогда не смотрела Мите в лицо и умела разойтись с ним в самом узком месте, даже не прикоснувшись. Он никогда ничем не пах – был чистюлей и ненавидел всякую парфюмерию, но, проскальзывая мимо него, Катя старалась не дышать, даже предположение того, что она может уловить то легкое тепло, которое исходит от каждого человека вблизи, *его* тепло – приводило ее в ужас.

Зять, наконец, покинул кухню.

Катя поставила тарелку со своей диетической стряпней на стол, хотела сесть... Но села на другой стул – не на тот, где он только что сидел. Она физически не могла это сделать – занять пространство, в котором только что находился он, Митя. Ведь это как будто слиться с ним! Девушка ела геркулес с морковью и тихонько стонала, в нос...

Сегодня у нее было свидание – с тем, из похода. С Данилой.

...Они с молодым человеком погуляли по слякотной, сонной Москве, потом зашли в кафе. Было странно видеть друг друга в городе, странно чинно ходить по улицам, говорить на отвлеченные темы – после гор, лыж, полетевшего крепления, раскаленного чая на морозе из термоса... Данила радовался Кате, такой новой, такой другой – городской, почти незнакомой, хорошенькой в беличьей шубке и беличьим задорным беретом. Беззащитной и слабой сейчас на вид. Кате было немного совестно – она еще не понимала, рада она сама Даниле или нет. Ее смущала его красота, сила и едва сдерживаемая, неуклюжая влюбленность, которая сквозила в каждом жесте молодого человека.

– Приходи ко мне завтра, – вдруг, не сдержавшись, сказал Данила. Сказал и побледнел до синевы.

Кате показалось, что вместо кофе у нее в желудке перекатываются ледышки.

– Хо... хорошо, – неуверенно ответила она. Данила не сдержался, неловко и пылко обнял ее посреди улицы. Он-то точно был в нее влюблен. Очень.

Следующее утро, кажется, началось точно так же. Катя вышла на кухню, взяла пакет с геркулесом... Митя сидел на корточках возле умывальника, орудовал гаечным ключом. Рядом валялись его серые шлепанцы.

– Минутку подожди, – пробормотал он, не оборачиваясь. – Что-то труба течет...

У него были мягкие, слабые волосы, сквозь которые уже просвечивала кожа головы. Тренеровочные штаны, голубая майка. Чистая бледная шея, напряженные мышцы рук. Урод. Убогий. Старый. Никакой. Терапевт. Неудачник. Лузер!

– А я сегодня в гости иду, – вдруг сказала Катя.

Митя ничего не ответил, но его плечи словно окаменели.

– Его зовут Данила. Мы познакомились в походе, ему двадцать два. Сказал, что дома у него никого не будет.

Было слышно, как капли воды шлепаются на кафельный пол. Катя поставила коробку с геркулесом на стол, повернулась:

– Митя, если ты скажешь, я не пойду никуда.

Он молчал.

Она отвела глаза и произнесла:

– Через семь лет Милочка кончит школу. У нее будет своя жизнь. Ей уже не будут нужны ваши жертвы, ты сможешь жить для себя. Я буду ждать... семь лет. Если ты скажешь.

Он молчал, не двигался.

Катя вернулась к себе в комнату, быстро оделась, потом вышла из дома...

У нее было вполне реальное чувство, что она сходит с ума.

Падая снег, солнце пряталось за серыми облаками, но мороза не ощущалось – только промозглая, неподвижная сырость. На бульварах гуляли собаки и дети. Катя слепила маленький снежок, подержала в руках – он стал быстро таять... Тогда она принялась лепить из него снеговика.

Весь день она провела здесь, на бульваре, среди людей. Сотовый телефон звонил каждые пять минут, на экране светилось имя абонента – «Данила».

...Она вернулась домой только в четвертом часу, в сиреневых, ранних зимних сумерках. Дома стояла тишина, только на кухне мерно капала вода.

Катя бесцельно побродила по комнатам, потом решила заглянуть на кухню.

Весь пол был засыпан геркулесом. Девушка направилась в кладовку – маленькую темную комнатку в углу, – чтобы взять веник, и остановилась.

Ее опущенные вниз глаза вдруг наткнулись на босые ноги, которые раскачивались сантиметрах в двадцати над полом, над пустыми серыми шлепанцами. Катя схватилась за горло и упала на колени.

Она хотела поднять глаза туда, где в полутемной кладовке должно находиться его, Митино лицо, но не могла. Тогда она губами потянулась к этим босым ногам и тоже не смогла прикоснуться к ним. Попыталась прижаться к ногам щекой... И опять не смогла.

С ней случилась истерика. Все решили – из-за того, что девушка первой наткнулась на самоубийцу.

...Потом, конечно, она пришла в себя. Довольно скоро. Примерно через месяц после похорон Мити. По-прежнему Катя ходила в походы, ломала ноги на горных склонах, спускаясь на байдарке по Ангаре, однажды чуть не утонула... Все было хорошо.

Прошло семь лет.

Милочка, племянка, выросла, окончила школу. Дома отмечали ее выпускной. Катя смеялась, обнимала Милочку. Пригубила на радостях даже шампанского (хотя никогда не пила и ела лишь только то, что было полезным и здоровым).

А осенью, в сентябре, когда Милочка уже на первом курсе училась, Катя умерла. Случилось это так – молодая женщина гуляла по парку одна. Разгребала ногами шуршащую листву, улыбалась, что-то шептала себе под нос. Потом вдруг упала – лицом прямо в опавшие листья. И – все.

...Она лежала в больничном морге, прикрытая простыней, с высоко поднятой, как у всех мертвых, грудной клеткой.

В той же комнате, рядом, сидел молодой патологоанатом, писал посмертный эпикриз. Эта покойница смущала его, раздражала – доктора часто относятся к мертвым, как к живым.

Вошел Попов, санитар, самый циничный человек в больнице, циничный до такой степени, что все давным-давно перестали на него обижаться.

– Цигель-цигель, ай-люлю! – с намеком произнес санитар, показывая наручные часы. – Пора, нас ждут великие дела. Трубы горят.

– Все, сваливаем, – патологоанатом отбросил ручку и привычно пошел мыть руки – тут же, в прозекторской, находился умывальник.

Санитар ждал товарища, прислонившись к косяку. Потом кивнул в сторону накрытого простыней тела, спросил лениво:

– Что сегодня?

Молодой доктор улыбнулся, готовясь заранее избавиться от преследовавшего его неотвязчивого, смутного раздражения. Все же легче, если с кем-то поделишься! Тем более с Поповым. Сейчас тот что-нибудь отмочит...

– Обширный инфаркт. Кстати, глянь. Интересный случай, – сказал доктор и откинул простыню.

– А что?

Перед ними лежало обнаженное тело Кати – с зашитым разрезом от горла до низа живота.

– Прикольно... Красотуля. И не старая еще ведь! – хмыкнул санитар. – С чего вдруг инфаркт?

– Нет, брат, главный прикол не в том.

– А в чем?

Доктор обратно накинул простыню на Катино тело и произнес значительным голосом:

– Представь себе – девица.

– В каком смысле?

– В том самом. В прямом.

– Е-мое... И для кого себя берегла? – всерьез расстроился санитар Попов. И даже шутить не стал. Добавил только грустно: – Поди, принца ждала... Теперь пусть на том свете его ищет!

Патологоанатом погасил свет, они с санитаром вышли.

На фоне окна, в полутьме был виден силуэт тела Кати, накрытого простыней.

Из крана в умывальнике мерно капала вода...

Военные потери

Серебряный медальон весь почернел от времени, пузатая серединка сильно обтерлась – и только по краям овала еще можно было разглядеть какой-то растительный орнамент. Замочек давным-давно сломался, а верхняя крышка изнутри покрылась ржавыми пятнами, что казалось невероятным, ибо серебро, как известно, не ржавеет. На молочно-белой, истонченной, покрытой коричневой паутинкой эмали – поясной портрет молодого мужчины в мундире офицера наполеоновской армии. Красавец с черными волнистыми волосами; бледное узкое лицо, тонкий нос с горбинкой. Спокойствие и одновременно гордость читались во взгляде военного, и весь облик его повествовал о том, что у человека этого, скорее всего, была судьба необычная и не слишком счастливая.

Молодого мужчину, изображенного на портрете, звали Франсуа Боле, он служил в армии маленького корсиканца и действительно имел судьбу несчастливую. Он воевал против России, а во время отступления оказался пленен. Всю оставшуюся жизнь Франсуа Боле рвался из плена домой, в солнечную и теплую свою Францию, в Париж, где родился и где жила его невеста, но ничего не получилось: русская бюрократия, бедность и нечаянная женитьба на русской женщине не позволили месье вернуться на родину. Умер он достаточно рано, двадцати восемью лет от роду, то ли от ностальгии, то ли не вынеся суровых российских зим.

...Теперь этот медальон принадлежал одному из его потомков, совершенно русскому человеку с русской фамилией Иванов. Фамилию Боле еще носила в девичестве бабка потомка, но потом вышла замуж и стала Ивановой, и тем самым всякое напоминание о войне с французами было окончательно стерто из официальных документов и сохранилось лишь в семейных легендах.

По этому поводу можно подпустить философскую сентенцию насчет того, что подобным образом рано или поздно заканчиваются все войны – кровь одного народа сливается с кровью другого, и в результате уже нет ни победителей, ни побежденных. Впрочем, можно обойтись и без общих мест.

Итак, потомка Франсуа Боле звали Андрей. Андрей Иванов. Доктор Иванов. О прошлом его рода напоминали только черные мягкие волосы, бледное узкое лицо и спокойный, упрямый взгляд.

На момент, когда Иванову исполнились *его* двадцать восемь лет, у него, помимо медальона и небольшой квартирки, имелись еще в наличии: жена Анна и дочь Мария пяти лет.

Да, все это у него было до одного прекрасного (можно в кавычках) дня, когда он собрался и вышел из дома, поцеловав перед этим дочь и сказав «я люблю тебя» – жене. Медальон со своим предком он оставил дома, в той самой квартире, в столе. Оставил дочери, и таким образом, через нее – и дальше, своим потомкам. Когда дверь за ним закрылась, его жена, Анна, упала на пол и забилась в истерику от отчаяния и бессильной злобы. Она не хотела отпускать мужа, но тот ее не послушался.

Дочь принесла стакан воды своей матери, поставила рядом на пол, холодно сказала: «Не надо так орать, папа все равно не вернется», – и скрылась у себя в комнате, где ее ждали куклы.

После того как Андрей Иванов покинул дом, он прожил очень недолго, не больше месяца. Потом он погиб.

Середина 90-х. Первая чеченская кампания. Штурм Грозного. Огромные потери.

Хаос и кровь. Андрей, будучи врачом, оперировал круглые сутки. Однажды он вышел из госпиталя в самый разгар военных действий, чтобы руководить транспортировкой раненых, и вдруг... пропал. Пропал без вести – это официально, а неофициально его жене сообщили следующее – скорее всего, погиб в той мясорубке. Надежды нет. (Но это произошло позже, как уже говорилось – где-то через месяц после ухода Андрея Иванова из дома.)

...А пока его жена пила воду, сидя на полу прихожей. Зубы ее стучали о край стакана. Она была в ярости. Потом она встала и принялась нажимать кнопки на телефоне.

– Алло, – сказала она, услышав в трубке голос своего любовника, – ты не представляешь... Он все-таки уехал. *Туда* уехал. Гребаное чувство долга. А я? А Машка? Он что, нам ничего не должен?!

– Анна, ты ни в коем случае не должна волноваться. С тобой же я, и я никогда тебя не брошу – ты знаешь.

Он много чего хотел ей сказать в тот момент, ее любовник, но сдержался. Но мысленно он возликовал, будучи человеком экзальтированным, к тому же – совсем потерявшим голову от страсти. Пусть, пусть Иванова убьют. А что? Если мужа его любовницы убьют, он женится на ней. Он, конечно, все равно женится на ней, даже если этого человека не убьют, но лучше бы его убили, и – «Господи, прости мне мои гадкие, грешные мысли, но Ты же знаешь, тогда погибну я – без этой женщины...»

Они, Анна с любовником, договорились встретиться через два дня – встретиться через день было бы цинично, учитывая драматизм ситуации, через три – слишком долго ждать (для него), слишком мучительно.

А что она? Безусловно, когда-то Анна сходила с ума от любви к собственному мужу, только это очень давно было, семь лет назад. Совместно прожитые годы истрепали, протерли до дыр сие нежное чувство, кроме того, возникли симптомы того, что Андрей – неудачник. Звезд с неба не хватал. В смысле, не особенно был озабочен своей карьерой – отсюда стесненность в средствах. Характер у Андрея – тоже не очень. Мечтательность эта меланхолическая и гордость – совсем не для нашей жизни, да еще в те, непростые 90-е годы. Нехотя Анна завела любовника. С любовником ей повезло во всех отношениях – богат, молод, красив, безумно влюблен.

Но от своего Иванова женщина почему-то не торопилась уходить, хотя с мужем продолжались споры, ссоры, постоянное раздражение на пустом месте...

Так тянулось до того дня, когда муж вдруг решил уйти – туда. На войну. Или – уйти от нее, от жены? Допустим, надоела ему супруга. О, тогда, безусловно (тут же решила Анна), о сбежавшем из дома муже не стоит думать, скатертью дорожка. Но к чему эти слова перед расставанием? Он сказал, что любит ее, и сказал таким голосом, что у нее чуть сердце не разорвалось... Игра? Из серии – напоследок сделать побольнее, заставить ее испытать чувство вины?

Если так, то Андрей – просто садист. Знал ли он о существовании любовника у жены? Вряд ли, решила Анна. Он ни о чем не знал и даже не догадывался, ибо принадлежал к породе тех мужчин, которые узнают об измене самыми последними.

Ну ладно жена, продолжала думать Анна. А дочь? Даже наличие дочери, Мари (между собой они звали дочь Мари – в память о французском предке), не остановило мужа. Что ж, миру известна подобная жестокость, извращенная такая... когда убивают себя на глазах близкого человека – для того, чтобы тому совсем тошно стало. Анна ведь пыталась отговорить Иванова, пыталась не пустить, она, между прочим, даже зарок себе дала, мысленно – если муж останется с ней, на войну не пойдет, то она бросит своего прекрасного любовника.

Но Андрей ушел. И сгинул, пропал потом. Но это потом.

А через два дня после ухода мужа из дома Анна встретилась со своим любовником – у него дома. Вино, слезы, объятия... А что делать, не хоронить же теперь себя заживо. Жизнь-то продолжается!

Через неделю они втроем (вместе с Мари) пошли в цирк. Через две недели, когда наступили ноябрьские холода, любовник подарил Анне шикарную шубу (а раньше этого сделать не мог, ибо присутствие мужа мешало).

«Ты ушел? – думала Анна, обращаясь к отсутствующему мужу. – Только не думай, что я без тебя от тоски загнусь. Ты мне и не нужен! И Мари ты тоже не нужен!»

А еще через неделю – пришло оно, это известие, что Андрей пропал без вести и надежды нет.

Ну и ладно. Он сам этого хотел. Сам, добровольно, полез в пекло...

К весне Анна и ее любовник уже жили вместе. Правда, маленькая Мари исподтишка пыталась протестовать против появления у нее нового папы – она, по малолетству своему, не верила, что ее родной, настоящий никогда не вернется больше. Но кто станет слушать ребенка?

...

Чуть подробнее о любовнике Анны. Непростой человек.

Его можно было назвать «новым русским», но он бы обиделся этому названию, да и не вполне точно оно звучало. Он являлся, скорее, новым «новым русским».

Его папочка, бывший партийный босс – да, был самым настоящим жуликом, но его сын – уже нет. Разве только что самым косвенным образом. Сын (любовник Анны) учился в Оксфорде (благодаря папочке, потому и косвенно), воспитан и умен – необычайно, спортсмен и сторонник Гринписа, подавал милостыню нищим и вообще благодетельствовал многим, не афишируясь, ибо от прекрасно развитой души благодетельствовал, веровал в Бога – не театрально, с битьем поклонов, а так, вполне пристойно и красиво. Свой грех прелюбодеяния переживал и темных мыслей своих боялся – желал же этому Андрею смерти, ведь желал? – но оправдывал этот грех безумной, необыкновенной любовью.

Он действительно обожал эту женщину, чужую жену. И не только потому, что она была красива и умна (а она была и красива и умна). И не потому, что запретный плод всегда сладок. А потому, что она, Анна, никого не впускала к себе в душу, держала всех на расстоянии, непостижимая и недостижимая... (Хотя на самом деле Анна – из тех капризных эгоисток, которые не способны на жертвы, из тех эффектных сумасбродок, которые не боятся остаться одни и потерять все – вот так, потому что захотелось вдруг.)

Но иных мужчин влечет вот именно эта отстраненность, закрытость женщины, непредсказуемость, это обещание тайны... Может, тайны-то никакой и нет, но разгадать – все равно хочется!

Вот в каком направлении текли мысли Анны? Любовник не раз спрашивал ее – о чем она думает, вот сейчас, в данную конкретную минуту, и она отвечала – вполне искренне, кстати, – «думаю о том-то и о том-то». Но он-то знал, что это не все еще, что за этими ее словами прячутся другие, еще какие-то, недоступные ему миры. Не особо какие необыкновенные – но ведь недоступные же! Ах, как он терял от этой женщины голову, как он всегда ее хотел! А еще он, умный и трезвый человек, способный заглянуть в будущее, знал, что она никогда не сможет надоесть ему, потому что Анна – огонь, а ему, чуть холодноватому, рассудочному, именно этого огня и не хватало... Союз с женщиной добросердечной, уютной, спокойной душевно убил бы его как мужчину. Поэтому любовник даже несколько раз являлся в церковь и ставил свечу – самую толстую и дорогую, благодаря Создателя за то, что тот послал ему такое сильное чувство, такую любовь. Деньги-то может каждый заработать, а вот настоящая любовь – она еще не каждого посетит...

Перед ее дочерью, Мари, любовник тоже благоговел, ибо и дочь Анны в своем роде являлась существом необыкновенным. Падчерица – настоящая маленькая женщина, этакая кошечка с повадкой... видимо, французские гены сказывались. Блеск черных глаз, стремительные и грациозные движения! Она уже сейчас, в малолетстве своем, была хозяйкой мира – и все ей должно было подчиняться, и все ей подчинялось. С какой бесцеремонной грацией Мари вертела всеми – начиная от детсадовских сверстников, кончая им, любовником ее матери, его друзьями, являвшимися иногда в дом, – а некоторые, поверьте, были людьми весьма влиятельными...

Впрочем, матерью девочка не могла вертеть, с матерью у Мари существовала постоянная легкая конфронтация, возникшая тотчас же после ухода Андрея. Представьте себе, эта пига-

лица не могла забыть отца и все время о нем помнила, что выглядело довольно необычно для ее возраста и характера – беззаботного и очаровательного. Подобные навязчивые воспоминания свойственны скорее зрелой женщине с мрачным, тяжелым, упорным настроем души. Отчима как такового, отдельно Мари вполне уважала и даже была в своем роде привязана к нему, но отчима рядом с матерью она не особенно любила, а мать рядом с отчимом, как уже говорилось, вызывала у нее и вовсе раздражение... Но, впрочем, разногласия и споры не выходили за определенные рамки, возникающие трения – скорее относились к разряду мелочей. А уж по пустякам-то в какой семье не спорят...

В общем, на этом можно было и закончить историю доктора Иванова – с возникновением другой, новой семьи. Да и война к тому времени вроде бы затихла на время...

Но в один прекрасный день на пороге того роскошного дома, где жили счастливые молодожены вместе с Мари, появился некий мужчина, бывший однополчанин Андрея.

Однополчанин выглядел внешне человеком вполне обыкновенным – но только внешне. После пары минут общения с ним стало ясно, что внутри у гостя – черным-черно, один пепел. Совсем недавно полыхал там страшный пожар, и неизвестно, расцветет ли после того хоть одна травинка на этой черной, сгоревшей земле. Это было заметно по тому, как гость оглядывал шикарное жилище нового «нового русского», его самого (быстро же вдовушка утешилась, удачную кандидатуру себе нашла), ее – необъяснимо, невероятно красивую, – что в подобных обстоятельствах грешно и преступно, и только на малютку Мари однополчанин посмотрел нормально, хорошо – ну, это же Мари, она способна укротить любого!

Однополчанин Андрея успел навидаться вдов, знал об их тяжелой жизни, о том, что они жаждут узнать обстоятельства гибели своих мужей... Потому и считал своим долгом навестить Анну, чтобы рассказать о гибели ее мужа, свидетелем которой оказался.

Но до своего визита не знал всех обстоятельств жизни Анны. Гость никак не ожидал, что в этот раз его визит окажется лишним и ненужным. Он шел сюда выполнить свой долг, а пришедши – в своих намерениях раскаялся. Вдова уже не вдова, а замужняя дама, сирота дочь – не сирота, ибо есть кому заменить папашу. Да и Мари сиротой никогда не выглядела – отважная, неунывающая, острая на язычок девчонка!

«Таким – не надо ничего знать». Уж слишком хорошо свежеиспеченная семейка жила – настоящий рай по сравнению с тем, откуда он, однополчанин, вернулся, а Андрей – и вовсе нет.

Кстати, доктору Андрею Иванову однополчанин был сильно обязан – тот после одного тяжелого ранения лечил его, латал раны. Хороший человек, хороший врач. А вдова как быстро променяла мужа на другого...

И все-таки гость, этот искореженный войной человек, нашел в себе силы кое-что рассказать Анне. Да, он действительно оказался свидетелем гибели ее мужа. Причем и сам в очередной раз был тяжело ранен в том же бою, долго лечился (отчего и припозднился с визитом).

Андрей, как поведал гость, оказывается, не просто погиб, он оказался в самом эпицентре взрыва, и его тело разлетелось на кусочки – потому нечего было даже запаять в цинк и отвезти на родину. Потому в свидетельстве о смерти и написали на всякий случай – пропал без вести. Однополчанин поведал обо всех этих обстоятельствах Анне и передал ей вещи пропавшего без вести, вернее, как теперь выяснилось – убитого. Вдова переверорошила быстро, на глазах однополчанина все эти вещи: она искала записку. Хоть одно словечко на клочке бумаги – от Андрея к ней. Хоть какое-то объяснение странного ухода. Что же на самом деле тогда произошло? Почему муж ушел из дома без всяких объяснений? Почему бросил их с дочерью?!

Анна прямо спросила гостя – отчего Андрей решил отправиться добровольно на ту дурацкую войну? Ведь не чувство же долга его погнало, в самом деле...

Однополчанин мужа усмехнулся, пожал плечами. Потом заявил, что на пустые разговоры у Андрея не было ни сил, ни возможностей. Человек двадцать четыре часа в сутки работал, вытягивал людей с того света («а зря все-таки, на этом свете ничего хорошего нет, я точно

знаю»). И вообще, о прошлой жизни Андрей не любил говорить (или не мог). «Как он погиб? Он точно погиб?» – зачем-то переспросила Анна. «Да, это было на моих глазах, но я был далеко от того места, мне повезло (хм). От него же – ничего не осталось. Совсем». От водки и поминального ужина однополчанин отказался, сказав все то, что велел ему долг, и ушел.

Пока длился этот не слишком долгий разговор, любовник Анны деликатно сидел в соседней комнате и слушал. Он не мог не слушать – его касалось все, что касалось Анны. Он вполне понимал чувства, наполнявшие перегорелое нутро пришедшего к ним военного, он переживал... Он чувствовал себя обязанным. Он-то, сытый и довольный, под обстрелом не стоял, чужой крови не нюхал!

Поэтому любовник дал себе слово завтра же отправиться в госпиталь, где обычно лежали пострадавшие от той войны, и помочь им – чем можно, конкретно помочь – деньгами ли, своими связями, да хоть собственными руками...

А что Анна?

Анна же пыталась представить себе смерть своего мужа.

Вот он идет по какому-то пустырю, по полю. Впереди – разрушенные дома. Черная земля под его ногами. Солнца нет, кудри темные по ветру, это его лицо, которое и через тысячу лет не забыть, изученное досконально за годы семейной жизни. О чем Андрей думал перед той вспышкой, начисто стершей его с лица земли? «Думал ли он обо мне? Любил ли меня?! Да, он сказал мне перед уходом, что любит, но как теперь проверить это, как?!»

Потом, еще долгие годы, Анне снился один и тот же сон. Во сне она видела своего мужа, идущего по черной земле, не идущего даже, а как-то плывущего над ней, почти не касаясь этой земли ногами. Анна никому не рассказывала об этих снах. Лишь однажды, много лет спустя, она мельком упомянула в разговоре со взрослой дочерью, что «твой папа, Мари, снился мне». И все, больше ни слова.

Мари тоже никак не стала комментировать материн сон. Она уже давно отдалилась от Анны, от отчима и жила своей, интересной, яркой жизнью. Много где побывала, много чего видела. Много чем интересовалась.

Однажды она поехала в Париж, одна. Отважная и любопытная девица. Самостоятельная. Гуляла по городу, осмотрела все достопримечательности. Ведь ее предки были из Франции!

А пока гуляла, думала о том, что никогда не повторит ошибок своей матери. И вообще, никаких ошибок постарается не совершить. Это же надо, как они бездарно прожили свою жизнь – мать, отец, отчим... Отец любит мать, она его тоже любит, но отец зачем-то уходит на войну. А мать в отместку выходит замуж за другого. И этот самый другой – несчастный отчим, который обожает мать, хотя знает, что та любит своего покойного мужа. Поэтому отчим каждый день вскрывает ей мозг – о ком на самом деле мать думает, о нем или о покойном докторе Иванове...

В общем, глупые, несчастные они все люди.

И вдруг, без всякой причины, бродя по Елисейским полям, Мари вспомнила один эпизод из прошлого. Она никогда не придавала ему значения...

Хотя, возможно, именно с того момента и заварилась вся эта каша! Дело было так. Много лет назад Мари, еще совсем малюткой, гуляла как-то со своим родным отцом. Они увидели на другой стороне улицы Анну и отчима рядом.

Но парадокс в том, что Мари тогда еще в лицо не знала будущего отчима, но сказала отцу: «Вон мама! Идем к ней, она с каким-то дядей». Отец, видимо, уже о многом догадывался, и в тот момент его подозрения получили под собой почву. «Нет, – сказал отец. – Не будем мешать, ты же видишь, мама разговаривает с дядей. Пойдем, я тебе мороженого куплю...»

Спокойный тон отца, обещание мороженого, интересная прогулка – все это стерло картинку того, как Анна идет рядом с отчимом. Стерло, но не до конца. И только теперь она всплыла...

«Не будем мешать». Не будем мешать! Отец решил не мешать и именно потому ушел тогда из дома на эту войну.

Вот так, только спустя годы, сейчас, Мари озарило – отчего ее отец ушел когда-то из дома, практически на верную смерть. Он просто увидел маму под ручку с любовником, догадался об их романе и самоустранился.

Рассказать об этом воспоминании матери, Анне? Спустя столько-то лет... Нет, это слишком жестоко. По сути, это все равно что обвинить мать в смерти отца. А ведь мать его ждала, надеялась, возможно, что когда-то ее муж вернется из плена... Надеялась до тех пор, пока не появился тот однополчанин, свидетель гибели отца.

И отец тоже хорош! Зачем он ушел, ведь мать любила его... И до сих пор любит, возможно. Она иногда достает из шкатулки старинный медальон, когда-то принадлежавший отцу, и долго, долго рассматривает его со странным, напряженным выражением – словно пытается разгадать какую-то загадку. На Мари вот тоже иногда смотрит – с тем же напряженным выражением... А однажды мать призналась, что отец ей снится. Упомянула об этом с такой мукой, такой обидой! Значит, ничего не прошло, ничего не забыто – раз все время ведет мать мысленные споры с отцом, упрекает его.

И зачем тогда отцу понадобилось сразу на войну бежать, в самое пекло, где только смерть... Больше на самоубийство похоже.

Словом, Мари никак не хотела повторять ошибки старшего поколения. Она немедленно решила, что уж у нее-то все будет прекрасно. Уж она-то сумеет распорядиться собственной жизнью! Да, и никогда не станет связываться с военным или кем-то, кто имеет отношение к войне.

Мари еще не знала, что через пару дней познакомится в Париже с молодым мужчиной. И влюбится в него – безумно. И только потом, не сразу, она узнает, что ее Никола служит в Иностранном легионе и не мыслит своей жизни без военных действий. Но будет поздно – девушка уже потеряет свое сердце...

В семье Никола, кстати, хранилось много старинных реликвий. Одной из таких реликвий было письмо прапрабабки Никола к своему жениху, в Россию. Письмо так и осталось по каким-то причинам неотправленным.

* * *

«Франсуа, я пишу Вам, не ожидая никакого ответа. Слишком далеко мы друг от друга... Наверное, я вывожу эти строчки исключительно для себя. С моей и с Вашей стороны сделано все возможное, чтобы нам никогда не быть вместе, и ничего никогда уже не изменить (о, это ужасное слово «никогда», если б я могла, то никогда бы его не написала), и дело не только в этой огромной Russia, не в ее холодных бесконечных снегах. Дело в том... впрочем, я теряю свою мысль – я всего лишь женщина, дальше я развиваю свою мысль не словами, а чувствами, возможно, Вы меня поймете, если чувства Ваши хоть немного сходны с моими. Le *impereur* в изгнании (известно ли Вам?), но все еще популярен. Только я уже не его приверженка. Знаете, я готова его проклинать, и особенно то, что он придумал эту глупую кампанию, нас разлучившую. Впрочем, не дело женщине соваться в политику. Знаете что, Франсуа? Я ненавижу войну.

Франсуа, вернитесь, я жду Вас...»

Золушка

Фомина, сколько себя помнила, была девицей крайне осторожной и консервативной. Больше всего на свете она не любила чего-либо менять и идти на эксперименты. А вдруг хуже будет?! Надо ценить то, чем уже обладаешь.

Еще в детском саду воспитатели хвалили Фомину за примерное поведение и осторожность.

Потом родители отправили ее учиться в обычную школу. Сначала ничего, а потом, ближе к подростковому возрасту, стали одноклассники дразнить Фомину – за то, что каждый день она приходила в школу с одной и той же прической – косой. (Хотя на самом деле коса – это очень удобно. Не надо тратиться на стрижки, думать об укладке, все быстро и просто. Заплел с утра – и порядок.)

Хотела Фомина перевестись в другую школу, где дети добрее, но не стала. Можно и потерпеть. Ну, а что дразнят всякие идиоты – так это не страшно. Вон, говорят, бывают школы, где бьют, где пьют и где наркотики. И где на телефон разборки снимают, а потом – позор на весь Ютьюб. Бр-р, вот настоящий ужас-то... Вдруг в такую компанию попадешь? Нет, лучше на одном месте оставаться.

Куда поступить после школы, Фомина долго не думала. У нее тетка преподавала в строительном институте неподалеку, могла помочь при поступлении. На бюджетное! В наше время попасть на бюджетное – большая редкость, надо вундеркиндом быть. Или вот, по блату – как в случае Фоминой.

Строительство как таковое совершенно не интересовало девушку, но раз появилась возможность – зачем упускать? С другим вузом могло ничего не получиться, да и какая разница, что строительный... Лишь бы корочку получить.

Когда Фомина училась на последнем курсе, ей предложили работать в архиве – тут же, при институте. Выдавать бывшим студентам справки, оформлять документы. Платили немного, но зато и работу искать не надо. А что? В наше время даже самые лучшие специалисты безработными ходят... зачем рисковать, искать чего-то? Кризис же. Потом, далеко ехать не надо, тратиться на дорогу, давиться в общественном транспорте опять же...

И покатила налаженная, тихая жизнь. Днем Фомина сидела в своей комнатухе при институте, глядела на мир через окошечко в пластиковой стене, а свободное время любила проводить дома, на диване – в обществе интересной книжки и пакетиков с соленым печеньем. Впрочем, иногда она спохватывалась – годы идут, а жениха все нет. Но потом в руки попадалась новая интересная книга, и девушка опять забывала о неустроенной своей жизни.

В конце концов, мужчины нынче ненадежные. Уж лучше одной, чем абы с кем. И вообще, в наше время семья неактуальна. Это раньше на старых дев пальцами показывали, а теперь всем плевать.

Имелась у Фоминой одна-единственная душевная подруга, Маня Симакова. На голове – роскошные кудри, стиль одежды – гламурный шик (родители Симаковой, оба успешные архитекторы, дочку баловали). А еще Маня – энергичная, веселая, с сумасшедшинкой. Обожала риск. Вечно влипала в разные истории и глупость норовила совершить. И притом хорошенькая – до невозможности! Мужчины вокруг нее так и роились. Но Мане Симаковой предстояла нелегкая задача – выбрать из них самого достойного.

Маня – полная противоположность Фоминой, но без рассудительной подруги – никуда. Только ее советы и слушала. «Я бы без тебя, Фомина, совсем пропала бы! Ты одна мне мозги можешь вправить!» А Фомина в ответ добродушно шутила: «Ну да, Маня, я при тебе, как санитарка в дурдоме!»

Однажды, где-то в конце мая, Маня познакомила Фомину с очередным своим претендентом на руку и сердце. Звали претендента винтажным, редким именем – Демид. Дема, Демушка... И был Дема сказочно красив – рост под два метра, голливудская улыбка и даже сережка в ухе. Правда, глуповат еще парень, по-щенячьи, но это возрастное, излечимое.

Как-то решили они втроем прогуляться по центру Москвы, по Тверской. В кафе летнем сидели. Лизали мороженое, шурились на ярком весеннем солнышке. Как и всякий влюбленный, Демид болтал с Маней о чем-то веселом и глупом, мало обращая внимания на невзрачную Фомину. Фомина же почему-то не чувствовала ни вкуса мороженого, ни тепла, даримого солнцем. То и дело бросала она мрачные взгляды на Маниного приятеля, и сердце ее наполнялось наичернейшей завистью. Фоминой хотелось, чтобы Дема принадлежал ей, чтобы только ей говорил он эти восхитительно-нежные глупости. Себя она в тот момент почти ненавидела – такую скучную, в унылой одежде и с примитивной косой на затылке.

«Он тебе нравится? Одобряешь?» – шепотом спросила Симакова, уловив удобный момент. «Одобряю...» – с тоской ответила Фомина.

С тоской – потому как нечто странное случилось с ней. Словно переключатель какой в мозгу щелкнул. Двадцать пять лет прожила на белом свете одним человеком, а потом р-раз – и все с ног на голову перевернулось! Появился другой человек.

Влюбилась наконец-то?

Потому что после этой прогулки она не спала несколько ночей кряду, думая только о Демиде. Перебирала неутешительные подробности – Демид работал манекенщиком у известного российского кутюрье и одновременно снимался для какого-то крутого журнала, для «Плейбоя», что ли... Красавец, хоть и с сережкой. (Впрочем, в «правильном», гетеросексуальном ухе.) Эти подробности лишний раз подтверждали его красоту и тем самым – невозможность любви между ним и скучной девицей с косой.

«Но почему невозможно?» – вдруг подумала Фомина, отбрасывая от себя пачку соленого печенья и томик фэнтези. «А что, если...»

...Она начала изнурять себя диетами и фитнесом. Особо толстой она никогда не выглядела, скорее – бесформенной.

Скоро здоровый образ жизни дал свои результаты. Но Фомина поняла, что этого мало. Стройных девиц сейчас пруд пруди. Вот откуда взять столько денег, чтобы с симаковским шиком подчеркнуть с помощью одежды свои новые, упругие формы? Родители у Фоминой – пенсионеры, помочь деньгами не могут, а собственная зарплата – это же смешно. Господи, да как она только согласилась с этим архивом связаться! При ее-то образовании...

Высшее образование. Да, среди многочисленных минусов у Фоминой имелся неоспоримый плюс – высшее образование. Она – инженер-строитель.

Работу по специальности найти, в принципе, можно. Но, опять же, это будут копейки. Она не дизайнер, не архитектор, не аудитор, ни пиар-менеджер даже, на худой конец... О чем она только думала раньше, согласившись на этот скучный вуз, в котором работала ее тетка?

«Что делать, что делать?!» – металась безумевшая Фомина, ни на мгновение не забывая голливудскую улыбку Демушки.

Потому что сдаваться она не желала. Она принялась перебирать все свои школьные и институтские знакомства, чтобы ухватиться хоть за что-нибудь, хоть какую-нибудь ниточку найти, которая бы вывела ее к обеспеченной жизни.

Обычно Фомина людей сторонилась, общения не любила – оно тяготило ее. Есть Симакова рядом – и ладно. А тут пришлось залезть в социальные сети, болтать со всеми подряд, в том числе и с теми, кто ей был неприятен, кто дразнил ее в детстве за старомодную косу, потом встречаться с этими людьми в реале...

В своем маниакальном упорстве Фомина перестала походить на себя прежнюю – ленивую и робкую. Она бойко сыпала умными словами, расточала добротные, широкие улыбки и уже

осенью сумела устроиться на работу в крупную строительную фирму. Даже по специальности! Платили в несколько раз больше, чем в институтском архиве.

Но и этого Фоминой было мало. Она не хотела останавливаться.

Неуемное честолюбие внезапно проснулось в ней, и очень быстро Фомина стала продвигаться по служебной лестнице. Она делала карьеру! Теперь она читала другие книги – по экономике. И продолжала лилейно заботиться о своей внешности. Дорогие французские крема, делающие кожу розовой и мягкой, бальзамы для волос, придающие им блеск и невиданную шелковистость...

Свою косу она теперь укладывала в парикмахерской. Как раз мода на косы-то пошла! Ей делали на голове нечто изысканное, французисто-небрежное...

Звезда Фоминой засияла высоко и ярко. Мужчины толпами бежали за красавицей и умницей, но она отвергала все ухаживания, она помнила только об одном, самом красивом из них – и ждала своего часа.

...Гром прогремел в середине весны, когда Фомина узнала о грядущей помолвке Мани и Демида. Она была приглашена на семейное торжество – задушевная подруга как-никак. Но Фомина не впала в отчаяние, ведь помолвка – это еще не свадьба. А хоть бы и свадьба...

Ее прическа, ее макияж, ее одежда – были строго продуманы, когда она появилась в загородном доме Симаковых, битком набитом гостями. На празднике присутствовало множество красивейших девиц, но Фомина выглядела лучше всех. Даже лучше прехорошенькой невесты. Выбрав удобный момент, Фомина приблизилась к жениху и заговорила с ним. О чем – не важно, важно – как. Короче, юный Аполлон понял, что пришел его настоящий хозяин. Хозяйка.

Фомина – *победила*. Ей повезло еще и потому, что Дема, несмотря на свою лакированную внешность, являлся мальчиком нежным и романтичным, покорным сильной воле.

В этот вечер Дема ушел с ней.

Фомина торжествовала. Симакова рыдала, родители ее утешали, почем зря костеря коварную подружку дочери, а красавчик Демид... Красавчик Демид терял голову в приступе новой любви. Сиренью благоухал май – ровно год прошел с той поры, как Фомина решила переменить свою жизнь.

Сияло нежное майское солнышко, и нежный Демушка во время прогулок по Тверской шептал Фоминой на ушко нежные слова, этакие восхитительные бредни, понятные только влюбленным, но странно, красавица и умница Фомина их почему-то не понимала. Не принимала.

Разлюбила?

Когда прошла первая радость победы, она почувствовала скуку в обществе Демида. К концу мая он окончательно надоел ей со своими нежностями и восторгами. Смазливый щенок. Она что, спятила – связываться с каким-то манекенщиком?!

Да, она его разлюбила, но поменяться обратно, превратившись вновь в скучную девицу, – тоже уже не смогла.

И вообще, как она жила раньше? Даже не жила, а словно в норке сидела, боясь сделать лишний шаг, боясь переменить что-либо... А ведь, оказывается, это так интересно – меняться, рисковать. Идти вперед, вверх. Девушка уже думала о новой любви – с мужчиной умным и волевым, с мужчиной-завоевателем. С таким бы она пошла еще дальше. К самому Солнцу!

Решив так, Фомина безжалостно срезала свои ультрамодные длинные волосы, которые, как ей казалось, делали ее похожей на принцессу-паиньку. С короткой стрижкой она выглядела красивее и жестче, настоящей подругой будущего супермена.

По вечерам сотовый телефон звонил не переставая, на экране высвечивалось имя – «Дема». Фомина на звонки не отвечала.

Однажды он сам явился к ней домой – грустный, обиженный мальчик, и стал обвинять ее в равнодушии. Он упрекал ее и за обрезанные волосы, его испугал облик новой – сильной и жесткой – Фоминой. Но она его не слушала. Она испытывала только раздражение.

Когда он сказал, что умрет без нее, что он выбросится из окна, повесится – по-детски так сказал, забавно, – Фомина расхохоталась. Она бросила ему в лицо свою длинную черную косу, красиво упакованную в целлофан, со словами – вот, мол, тебе веревка.

Дема взял косу, грустно посмотрел на Фомину и ответил, что именно так он и поступит. Фоминой было все равно. Она только вздохнула облегченно, когда дверь за ним наконец захлопнулась.

Крутое порно

Как всегда в начале мая в воздухе витал дух любви и безопасности – женская консультация была почти пуста, лишь пара-тройка беременных бесформенными облачками проплыли мимо Лены по коридору. Лена завистливо вздохнула – ее терзали проблемы совсем иного рода.

Врач, добродушная пожилая тетка, основательно изучив Ленин внутренний мир, нашла у своей пациентки дисфункцию. Точнее – психогенную аминорею. Лену этот диагноз привел в ужас. Она никогда не слышала таких слов.

– Ничего страшного, милочка, но лечиться вам все-таки придется. Вот таблеточки еще я выписала.

– Они помогут? – спросила Лена, благоговейно разглядывая корявые загогулины рецепта и печать под ними – «доктор Кабанец Мария Петровна».

– Помогут, безусловно, – стул под энергичной докторшей заскрипел, – только для полного эффекта необходимо жить регулярной половой жизнью.

– То есть? – напряглась Лена.

– Короче – занимайтесь почаще любовью, – подмигнула Кабанец, – очень помогает от дисфункции. Все гениальное просто.

Помимо своей воли Лена покраснела и закашлялась.

– Выпейте, – доктор Кабанец мгновенно наполнила стакан водой из графина, – не думала, что вы настолько впечатлительны. Годы-то ваши уже далеко не девичьи... – И она заглянула в карту, где суровым приговором стоял год Лениного рождения.

В ответ Лена разрыдалась.

– Пишу вам еще направление к невропатологу, – доктор решительно придвинула к себе новый бланк. Написав, она откинулась назад и внимательно всмотрелась в Лену. – А теперь расскажите мне о своей личной жизни. – Она не могла не покопаться и в Лениной душе, ибо каждый гинеколог чувствует себя еще и немного психотерапевтом.

– Я не замужем, – выдавила из себя Лена.

– Я тоже не замужем. Ну и что?

– Ваш совет... ну, об этом самом – совершенно невыполним. У меня сложный случай... у меня никого нет, то есть полное отсутствие партнера.

– Совсем никого? – строго уточнила доктор, словно Лена пыталась скрыть от медицины какие-то важные сведения.

– Совсем.

– Быть такого не может! – возмущенно взорвалась врачиха. – Даже я – в моем-то возрасте... Да, я имею поклонника. И могла бы иметь не одного, если б захотела только!

– Вообще-то у меня есть знакомый мужчина, именно знакомый. Но не могу же я ему предложить *это*, – потерянно пробормотала Лена, страстная поклонница старинных фильмов и сентиментальных романов.

– А вы попробуйте.

– Но я не люблю его.

– Глупости. Дребедень романтическая эти ваши «люблю – не люблю». Вы что, в прошлом веке живете? Если здоровье требует, значит, надо.

– Но я не люблю его!

– И слышать ничего не хочу, – тоном военачальника вострубила решительная Кабанец. – На выход. Следующая!

Лена вышла вон, пропустив мимо себя очередную беременную с размякшим лицом.

...Биография Лены Кирсановой была так же проста и безыскусна, как отварной картофель. После окончания средней школы она поступила в институт культуры, добросовестно

проучилась в нем четыре положенных года – троек нет, но четверок больше, чем пятерок, а после отправилась работать в библиотеку социально-производственной направленности. По своей специальности – библиотекарем-библиографом.

Библиотека была не центральной, а филиалом, располагалась в одноэтажном особнячке, сотрудников всего четверо: заведующая Шарлотта Кузьминична – вздорная шестидесятилетняя тетка; роковая женщина Наталья; толстая Крылова – одинокая мать сына-подростка, и она, Лена. Платили как и везде – скупое, начисляя за диплом копейки, но юная выпускница института культуры не унывала, потому что работу свою любила.

Она обожала запах книг, она радовалась каждому читателю... Активно вела общественную работу. Проводила вечера для пенсионеров, вела встречи с писателями, организовывала всевозможные кружки и мероприятия. Как вам – костюмированный вечер танцев?

Словом, она занималась всем тем, чем не могли заниматься тучная Крылова и роковая женщина Наталья – на то она и роковая. Что же до Кузьминичны, то та вообще могла только руководить.

Менялись числа на календаре, одно мероприятие сменяло другое, на смену одним читателям приходило следующее поколение... А юная библиотекарь-библиограф постепенно превращалась в старую деву. У Лены никак не складывалась личная жизнь – после первой и единственной институтской любви наступил период глухого одиночества, одиночества без единого проблеска. Маячил неподалеку, правда, некий Юрочка, сутулый, близорукий юноша из центральной библиотеки, куда Лене приходилось не раз ездить с отчетами (это его она упомянула в разговоре с гинекологом), но Юрочка – что-то вроде НЗ, неприкосновенного запаса. И выбросить жалко, и вдруг пригодиться может. Лена встречалась с ним уже год – раз в месяц то на концерт, то в кино ходили – и кроме этого их отношения не продвинулись ни на йоту. Чахлые ухаживания грозили растянуться на десятилетия, а свадьба состоялась бы никак не раньше пенсии.

В тридцать восемь лет Лена решила, что подождет еще года два, до круглой даты, и если не найдет себе мужа, то родит ребеночка от кого-нибудь (не от Юрика, разумеется... от него дождешься, как же).

Но такие мысли мало согревали ее сердце. Она хотела любви сейчас, она ужасно хотела любви, и не любви даже, а безумной, все сжигающей страсти. Лена так долго и так часто думала об этом, что в конце концов у нее даже сложился идеал возлюбленного – стройный брюнет со знойными усиками, пылкий, как молодой Омар Шариф, и элегантный, как Кларк Гейбл в зрелые годы.

Необустроенность Лениной жизни также волновала и ее коллег. Но у всех у них были разные точки зрения на причину подобного одиночества. Шарлотта Кузьминична видела всему виной, как ей казалось, чрезмерную разборчивость своей «молодой» подчиненной. «Да уж. Я знаю, есть у нее какой-то. Из центральной библиотеки. И еще кто-то, наверное, время от времени на горизонте появляется. А она все нос воротит – ей принца подавай. Напридумывали себе принцев, не хватает им того, что под рукой имеется. Зажралась нынче молодежь!» – говоря это, Кузьминична многозначительно косилась на роковую Наталью. У Натальи был муж, и на работу еще звонили разные посторонние мужчины. «Просто гады они все, – возражала заведующей толстая Крылова, – сейчас приличного мужчину днем с огнем не сыщешь. Уж лучше всю жизнь одной быть, чем терпеть возле себя какого-то». – И вздыхала расстроено и смятенно. Крылова была полностью на стороне Лены.

Наталья в спор не вступала. Она улыбалась загадочно. Она думала, что счастливой может быть только женщина красивая и умная, ну, как она сама. Одним из ее постоянных любовников был мужчина на десять лет ее моложе, на десять лет! – от чего Наталья совсем возгордилась. Лену она считала некрасивой и глупой.

Но это было не так – по своим внешним данным и умственным способностям Лена была вполне обычной молодой женщиной, которых пруд пруди. Правда, имелось у нее несколько убеждений, которые многие бы назвали заблуждениями (может быть, и ошибочно бы назвали). Например, Лена считала, что одежда должна быть сначала удобной, а уж потом модной или красивой. Что аккуратный пучок на затылке смотрится гораздо лучше неряшливых кудрей, разбросанных по плечам и спине. Что каблуки должны быть непременно низкими и широкими – ведь на шпильке в любой момент можно ногу подвернуть. Что косметика только портит естественный и здоровый цвет лица. Но все это мелочи, мелочи – разве они имели какое-нибудь значение для любви?

Для любви.

О которой Лена мечтала денно и нощно, особенно этой весной, когда по утрам за окнами кричали воробьи, обезумев от страсти.

«Где ты, где ты, где ты...»

Она так ждала *его*, что заболела. По-женски. Что-то сломалось, расстроилось в отлаженном механизме ее организма. Это встревожило Лену – поскольку после определенного рубежа, как уже говорилось, она думала завести ребенка, и организм в этом случае должен работать безупречно – ибо она одинокая женщина. Стрелять придется сразу в «яблочко». Но это потом, до часа икс еще есть время, еще есть надежда найти единственного и неповторимого.

Озадаченная донельзя, вышла Лена из женской консультации. «Регулярно заниматься... то есть жить половой... О господи!» Нет, о Юрике и думать нельзя было как о возможном партнере, о его анемичных и тусклых ласках – этак-то последнего здоровья лишишься. Тогда кто? Подойти к какому-нибудь совершенно чужому человеку и попросить его: «Не могли бы вы мне помочь...» А перед мысленным взором плыл Гейбл-Шариф. Темные знойные глаза его смотрели с укором, он словно напоминал – а любовь?

Тем не менее все следующие дни Лена напряженно размышляла о том, как бы ей найти сексуального партнера. Она думала так напряженно, что вообще чуть не лишилась остатков здоровья. Потеряла аппетит и побледнела. А по ночам, в беспокойных снах, ей, как назло, упорно являлся Кларк Гейбл.

– Не заболела ли ты часом? – как-то спросила Лену по-матерински чуткая Крылова.

– Брать сейчас больничный – преступление, – бросила проходившая мимо Шарлотта Кузьминична, – двадцать читателей в день! У студентов сессия вот-вот начнется, они к нам опять побегут! Не у всех же эти ридеры, прости-господи, проклятые есть. На носу еще две встречи с авторами социально-производственной литературы! Не отчитаемся перед ЦБС – нас закроют.

– Это депрессия, – Наталья была неумолима и точна. Слово «депрессия» она произнесла с особым шиком, как и полагается роковой женщине, вот так – «дэпрэссия». «Отстали бы вы все!» – с отчаянием подумала Лена. Довериться коллегам и рассказать им о своих проблемах она не могла.

Но на ловца, как известно, и зверь бежит. Да-да, не она нашла себе партнера, а ее нашли.

Здесь необходимо небольшое отступление, непосредственно касающееся работы библиотеки.

Как уже упоминалось, данное заведение посещают не только читатели, но и писатели. Вешается объявление заранее, обзваниваются самые активные посетители. И в небольшом актовом зале происходит встреча.

Так вот, тем самым зверем из пословицы оказался... писатель. Точнее – автор сборника статей под общим названием «Социальная жизнь производственника в нестабильное время». Протасов Н. Е. Он явился в библиотеку с предложением выступить перед читателями в ее стенах.

Писатель был еще относительно молод, черноволос, имелись в наличии также и усы – ну чем не вожденный идеал! Конечно, до Гейбла ему было очень далеко (впрочем, как и до Омара Шарифа), вместо изящной элегантности движений – порывистая развязность, но – брютет, усы опять же.

Лена, договариваясь о грядущем мероприятии, поглядывала на Протасова с любопытством – он или не он. «Он» – в смысле идеал. А писатель очень быстро уловил это любопытство и, словно заведев перед собой зеленый свет, стал решительно клеиться.

– Да чего там... Зовите меня просто Николаем. А вас как зовут? Лена? Замечательное имя – Елена. Елена Прекрасная. Вы давно здесь работаете? Надо же! Знал бы, почаще бы сюда заходил. Мы ведь с вами, можно сказать, родственные души – трудимся на ниве просвещения. Сложно, да. Сложно и интересно. А вы что завтра вечером делаете?

Флиртуя с мужчиной, Лена продолжала лихорадочно сравнивать его со своими любимыми актерами. «Но даже если это не «он», все равно, для здоровья же необходимо», – подстегнула себя она. Зеленый свет в ее глазах уже густел малахитом. За несколько минут разговора сотворилось то, на что при других обстоятельствах ушли бы дни и даже месяцы.

Они договорились о встрече на завтра – Николай должен был прийти вечером в библиотеку, как только закончится рабочий день. Якобы еще раз обсудить мероприятие.

Был один момент в разговоре. Пуританку Лену несколько покорило, когда писатель, уже прощаясь, проскользнул к ней за стойку и поцеловал руку. Усилием воли она заставила себя ее не отдергивать, когда что-то колючее, мокрое и абсолютно чужое прикоснулось к ее запястью. Так надо было. «Это же для здоровья», – мысленно успокоила она себя.

Успокаивало также то, что местом их будущего свидания была назначена библиотека. Да, именно ее родная библиотека.

От входной двери было два ключа – один находился в полном и безраздельном ведении Шарлотты Кузьминичны, а другой кочевал между тремя ее подневольными сотрудницами. Кто уходит позже, тот и закрывает за собой дверь. А на следующее утро, само собой, ключевладелец старается прибежать раньше всех.

На самом деле вокруг стального холодного ключика кипели настоящие страсти. Может быть, не кипели – это слишком сильно сказано, – но пузырьки, как в бокале шампанского, уж точно поднимались.

Время от времени роковая женщина Наталья вдруг начинала проявлять несвойственное ей трудолюбие, оставляя ключ у себя. Коллеги ее и начальство расходились, а она оставалась одна среди стеллажей с социально-правовой литературой.

Наутро под библиотечным потолком витал легкий, едва уловимый запах сигарет, вина и мужского одеколона «Барракуда».

«Она здесь со своим хахалем встречалась. Ну, с тем, что на десять лет ее моложе», – как-то, возмущенно тараща глаза, прошептала Лене на ухо обделенная любовью Крылова. Лену тогда поразил факт Натальиного бесстыдства – ну как же среди книг делать *это*!

Шарлотта знала о Натальином легкомыслии, но об этих свиданиях не догадывалась. А если б все-таки догадалась, уловив притупленным от возраста обонянием недозволенные ароматы, то ее бы просто-напросто хватил удар. Почтенное заведение превратить в дом свиданий!

На следующий день Лена работала со странным чувством. Бегающая от стеллажа к стеллажу и расставляя книги на установленные им библиотечной наукой места, она постоянно и неосознанно поглядывала на ковер под ногами, плюшевые сиденья стульев, на деревянную стойку, за которой обслуживали посетителей – поглядывала с некоторой опаской и смущением, словно на них кто-то мелом написал непристойности. О том, что должно было произойти здесь вечером, Лена старалась вообще не думать.

Когда иссяк поток посетителей и пора было закрываться, Лена решительно затребовала ключ себе. «Необходимо дописать сценарий для вечера, посвященного социально-производ-

ственной тематике», – объяснила она причину своей задержки. Никто не усомнился в правдивости ее слов, лишь Наталья порочно вздохнула и заявила, что завтра ей тоже, скорее всего, придется поработать дополнительно.

– Смотри не надорвись, – с намеком сказала ей Крылова.

– Ни в коем случае, – также с намеком ответила ей Наталья, – я люблю свою работу. А работа любит меня.

– Ладно, девочки, не будем мешать Лене, – остановила их Шарлотта Кузьминична – поскольку общественные мероприятия везла на себе только ее самая младшая сотрудница Лена, а ЦБС в свое время еще потребует отчета – и не дай бог, количество этих мероприятий окажется ниже нормы. Намеков заведующая не поняла – для нее они были слишком тонко замаскированы.

Минут через двадцать, когда город уже стал таять в сиреневых майских сумерках, на пороге появился последний посетитель – Николай. Пока он раскланивался, расшаркивался и бегал настороженным взглядом по сторонам – еще не одни они, или уже одни? – Лена в последний раз пыталась что-то решить. «Пока не поздно. Нет, уже поздно. И потом – это же для здоровья!»

Николай тем временем понял, что они уже одни, что дверь за ним закрыта, и наконец приободрился – теперь все ясно, все определено.

– Ну что, где тут можно расположиться? – барским движением обнял он Лену за плечи.

– Идемте на абонемент, – суховаато ответила она, поскольку хоть и имелись у Николая черные усы, но к делу ей хотелось приступить без излишних пылкости и нежностей – они к здоровью прямого отношения не имели.

У автора социально-производственного сборника оказались с собой крохотная бутылочка коньяка – из тех, что покупают как бы на пробу, пакетик козинаков и грамм двести докторской колбасы, уже порезанной. У Лены очень кстати к этой колбасе нашелся хлеб, оставшийся после обеда.

От волнения ее даже немного подташнивало, хотя волноваться было глупо, некоторый опыт любви у нее имелся – благодаря тому самому институтскому роману, а больше бояться, собственно, было нечего.

– Тихо здесь, даже как-то неуютно, – Николай оглядел стеллажи с книгами.

– Я включу музыку.

Лена покопалась в настройках проигрывателя, не находя ничего, что могло бы соответствовать первому свиданию, потом все-таки остановилась на канале классической музыки.

Они сели за журнальный столик, Николай разлил коньяк в пластиковые стаканчики.

– Ваше здоровье, – сказал он. Очень актуальный тост! Лена смущенно опустила глаза.

Коричневатой жидкости плескалось на дне совсем немного – грамм двадцать, тридцать, – но когда Лена невольно вдохнула спиртовой резкий запах, то новая волна тошноты подкатила к горлу.

– Вы не нюхайте, вы пейте, – ласково поправил ее Николай. Коньяк влился в Лену в два судорожных глотка, вкус докторской тоже был определенно каким-то медицинским – отдавал карболкой. – И давайте-ка сменим канал.

Николай покрутил настройки у проигрывателя, поймав волну с шансоном. Лена шансон ненавидела. К тому же козинаки намертво сцепили ей зубы. «Как бы пломба не выпала! – испугалась она. – Светоотверждаемая, дорогая. На той неделе только поставила!»

– Лена, это будет, наверное, нескромно...

– Говорите! – с трудом проглотив козинак и не слыша собственного голоса, потребовала она.

– Лена, я вас хочу.

Она машинально, точно дожидалась этих слов уже давно, кивнула, усилием воли выпихнула себя из-за стола и принялась раздеваться.

Краем глаза она увидела, что Николай тоже раздевается. Он скинул с себя все, кроме рубашки – ее он просто расстегнул, а галстук не снял, а только распустил. Рубашка с галстуком несколько озадачили Лену – и она тоже решила раздеваться не до конца. Оставшись в шерстяном свитере, связанном мамой специально для прохладных майских вечеров, она произнесла:

– Я готова.

Огляделась лишний раз и легла на ковер. «Это же для здоровья...» Глаза она закрыла.

Николай ткнулся губами ей куда-то в ухо, прижал рукой грудь через свитер, а потом приступил непосредственно к делу.

...Лопаткам вскоре стало очень неудобно на полу. Откуда ни возьмись приплыли мысли о Натальином хахале. А вдруг он настолько предусмотрителен, что является сюда с раскладушкой? Затем мысли потекли в следующем направлении – как бы не проспать завтра. Ключ-то – у нее! Затем... а затем Лена открыла глаза. Да сколько это может еще длиться?! Увидев, что Лена обратила на него внимание, Николай попытался ослепительно улыбнуться. Лицо у него было красным, на лбу блестели капельки пота. Судя по его ожесточенному виду, до завершения было еще далеко.

Через пять минут он закинул свой полосатый галстук за спину. Еще через пять минут он попытался снять рубашку, не меняя исходной позиции. Тут уж Лене совсем стало неважно.

– Николай, вы не могли бы встать на минуту? – с робкой вежливостью спросила она. – Мне надо срочно выйти.

– Что? Ах, да... извините.

– Благодарю.

Лена выскользнула из-под его разгоряченного тела и устремилась к заветному месту – мимо стеллажей с книгами, мимо читального зала, потом по длинному коридору – в конце его находился туалет.

Ей казалось, что в желудке у нее плещутся едкие чернила. После минуты мятежных раздумий она склонилась над унитазом и исторгла в его ржавое казенное нутро весь романтический ужин.

Потом умылась и посмотрела на себя в зеркало.

– Это же для здоровья! – пропищала она кукольным голосом своему отражению. И согнулась в приступе неудержимого смеха.

Это была не истерика, это был обычный веселый смех, после которого Лена почувствовала, как вся грязь этого вечера отваливается от нее, а в душу входит благостное умиротворение. «Нет, он не Омар Шариф, и не Кларк Гейбл. Он просто резиновый фаллос из секс-шопа...»

Стараясь натянуть свитер пониже – не от застенчивости, просто в коридоре сильно сквозило, – Лена зашлепала обратно. Ее скороспелый любовник сидел в кресле в чем мать родила и листал «Технику – молодежи».

– Извините за столь поспешный уход. Так некстати... Мне нехорошо вдруг стало, – Лена изобразила голыми ногами что-то вроде книксена.

– Я понимаю, – мужественным голосом подбодрил ее Николай, хотя он ровным счетом ничего не понял, – так продолжим?

Мурашки еще не угасшего смеха пробежали у Лены по спине.

– Продолжим. Только теперь вы ложитесь на ковер. Так сказать, поменяемся местами.

Через час Лена, вполне ощутившая терапевтический эффект, выпроводила своего любовника. На завтра было назначено новое свидание – эффект эффектом, но здоровье требовало именно регулярных встреч.

Следующим утром, придя раньше всех на работу, Лена вдруг вспомнила, что остаться им с Николаем тут не удастся – то же самое собиралась сделать сегодня Наталья со своим

любовником. Но из обрывков фраз, которыми они все-таки успели обменяться накануне, Лена узнала, что у Николая есть отдельная квартирка, которой он владеет единолично. Вот они туда отправятся... О том, чтобы вести его к себе домой, и речи быть не могло – дома обитали мама, папа и приехавшая на месяц из Твери тетя Нюра.

Рабочий день прошел в хлопотах и беготне, к тому же все остались без обеда – в середине дня нагрянула комиссия из центральной библиотеки и, выражаясь языком приснопамятного шансона, навела шухер.

Словом, когда в окна снова заглянули сиреневые майские сумерки, Лена чувствовала себя разбитой, но главное – ужасно голодной.

Крылова с Кузьминичной уже суетились в передней, и Наталья нервно поглядывала на Лену. Остаться дольше было нельзя – и Лене пришлось покинуть библиотеку вслед за коллегами.

Она встала на пороге, дожидаясь Николая. Через какое-то время в библиотечную дверь принялся звонить молодой человек, разбавляя весенний воздух запахом «Барракуды». Лена спряталась за водосточную трубу, дабы не смущать Наталью. Ее собственный любовник все не появлялся.

Минут через сорок, когда ей уже до смерти надоело прятаться за трубой, да и глупо это было – в желудке у Лены урчало на всю округу, библиотекаряш плюнула на все и пошла к метро.

И тут на полдороге она столкнулась с трусившим ей навстречу Николаем.

– Пардон, пардон, – запыхавшись, принялся оправдываться он.

– Никаких «пардонов»! – Лена была в гневе. – Вы опоздали на целый час!

На лицо Николая легким облачком напозла скорбь, и он грустным голосом принялся рассказывать о том, что уже собирался уходить из дома, как ему вдруг позвонили из издательства по одному чрезвычайно срочному делу, потом он бежал к метро, бежал через стройку, чтобы сократить расстояние, но стройка, как назло, оказалась вся перерыта ямами, завалена мусором и кишела целыми ордами пьяных хулиганов. А когда он наконец попал в метро, то поезд застрял в туннеле на полчаса.

Хоть Лена и оказалась несколько загипнотизированной этим драматичным рассказом (писатель, все ж таки!), но ей было очень трудно успокоиться.

– Но вчера-то вы пришли вовремя! – крикнула она.

Тогда ей был предъявлен последний аргумент – пакетик с булочками.

– Вот. Стоял в очереди. Хотел купить к чаю чего-нибудь сладенького. Я думал, мы сегодня будем пить чай.

При виде этого пакетика Ленино сердце начало потихоньку оттаивать.

– Ладно, – примирительно сказала она, – не будем ссориться. Идемте пить чай к вам домой.

– Как – ко мне? – опешил Николай. – А почему не к вам в библиотеку?

– Наша библиотека – не дом свиданий, – отрезала Лена, – сегодня там моя коллега... работает.

Николай весь перекривился от растерянности:

– Но ко мне тоже нельзя...

– Это почему же? Вы, как я поняла, живете один, в отдельной квартире.

– Да, но у меня же... у меня же страшно неубрано! – И Николай привычным размеренным голосом эпического рассказчика, словно Лена была уже не первой девушкой, которая рвалась к нему в гости, принялся живописать свое жилище старого холостяка и, одновременно, творческой личности. Причем живописал это жилище с такими подробностями и такими яркими красками, что Лену мороз по коже продрал. Николай себя не щадил – он поведал даже о своих носках, которые обычно висят у него на люстре – после чего Лена попросила прервать повествование и сказала, что действительно... не стоит идти к нему.

Николай плавно перешел к рассказу о тяжелой писательской жизни. В издательском мире кризис, опубликоваться можно только за свой счет («Вы знаете, я все свои средства потратил, чтобы издать этот сборник!»), пираты в Сети распоясались, а читатели – совсем обнаглели – скачивают книги из Интернета бесплатно.

Лена согласно вздохнула – вот-вот, и библиотеки, не дай бог, скоро закроют... Какие читатели, когда все повадились из Интернета читать?..

Они медленно брели в сторону метро. До дома было еще далеко, вожделенный ужин скрывался в неясном будущем.

– Давайте сюда свою булку, – сказала Лена, – ужасно есть хочу.

Уж в этом ей Николай не мог отказать, поспешно зашуршал пакетиком, передал угощение. Лена, особо не приглядываясь, открыла пошире рот, чтобы захватить побольше нежной сминающейся массы, пахнущей ванилью и обсыпанной сахаром – таковой в ее голодном воображении представлялась булочка, укусила, и... во рту что-то хрустнуло. Пломба! Выпала. Ленины мечты фатально не сбывались сегодня – булочка на деле оказалась засохшим куском какого-то бездарного печева. Ни тебе ванилина, ни хрустящей сахарной корочки – вообще, непонятно, как за таким несъедобным продуктом могли стоять в очереди. У Лены было такое чувство, будто рот у нее набит пенопластом. И пломбу-то, пломбу как жалко...

– Вкусно, правда? – добродушно спросил Николай. – Я выбрал самую дорогую выпечку.

– М-м-м... – первым желанием Лены было выплюнуть эту подозрительную булку, но тогда бы Николай точно обиделся – а ведь он еще нужен в оздоровительных целях. Собрав все свое мужество, Лена прожевала кусок и вместе с обломками пломбы усилием глотательных мышц затолкала его в желудок.

Вторую попытку утолить голод она не решилась предпринять, хоть Николай и смотрел на нее поощрительно. Наверное, он действительно стоял в очереди, но, судя по всему, это было бог весть как давно.

– А что мы будем делать сейчас?

– А мы уже это делаем – мы гуляем. Дышите воздухом, Леночка, любуйтесь природой. Нет ничего прекраснее теплого весеннего вечера. Молодая листва, щебетание птиц... и все такое прочее.

Лена уныло кивнула – да, дескать, я дышу. Окаменелая булка оттягивала ей руку, и положить ее было некуда – на плече у Лены болталась кокетливая маленькая сумочка – только зеркальце в нее и запихнешь, а хозяйственную она сегодня не брала, потому что как-никак на свидание собиралась...

Мимо проносились машины, оставляя за собой серые облака выхлопных газов. С другой стороны тянулась обширная свалка, по которой с мерзким карканьем прыгали несколько наглых городских ворон. Из всей природы были только кустики чертополоха, неряшливо торчавшие у обочины. Лена посмотрела на них с ненавистью – внутри у нее снова закипало возмущение. Рука, которой она держала булку, постепенно немела.

Неожиданно от кучи мусора отползла на четвереньках какая-то темная личность, своим собственным оригинальным запахом заглушая ароматы свалки.

– Подайте нищему на пропитание! – загнусила личность настырно, тычась Лене под ноги.

Удобнее повода избавиться от проклятой булки не найдешь! И опять же доброе дело – человек с голоду умирает, Николай не сможет придраться.

С улыбкой милосердия Лена протянула нищему булку.

Личность посмотрела воспаленным взором на предложенное ей пропитание, пробормотала несколько слов, очень ясно дающих понять, что она, личность, оскорблена в своих лучших чувствах, и шустро уползла обратно, на свалку.

Но Николай все-таки решил придраться.

– Это невежливо с вашей стороны, – обидчиво заметил он. – Я, может быть, старался, покупал, нес...

– Ну и дурак, что старался, – вдруг сказала Лена, – и врешь ты все – этому плесневелому сухарю сто лет в обед!

– Вы что, оскорбить меня хотите? – моментально прокис ее спутник.

– Да, хочу! – закричала она. – Потому что более убогого мужичонки, чем ты, я в жизни не видела! – тут она, конечно, покривила душой, ибо был в ее жизни еще Юрик, который... но это было уже не важно, потому что Николай повернулся и быстро пошел прочь, всем своим видом показывая, что никаких терапевтических услуг Лена от него больше не дождется.

Она несколько мгновений смотрела ему вслед, потом размахнулась и швырнула булку на кучу мусора, сбив нечаянно с ног одну из прыгавших по ней ворон. Та с душераздирающим воплем забарахталась в картофельных очистках, но после все-таки нашла в себе силы и взмыла высоко в небо.

«К черту всех... К черту это здоровье! Ну Кабанец, старая перечница! Чтоб тебе...»

Было уже довольно поздно, когда Лена пришла домой и закрылась у себя в комнате, презрев просьбы тети Нюры поесть ее, тети Нюриных, фирменных котлет.

Девушка распустила волосы, разделась и встала перед зеркалом, принялась оценивающе разглядывать себя. «А я ничего так... Даже очень!»

В зеркале отражалась Прекрасная Елена. На заднем фоне плескалось море, а по нему – бесконечной чередой тянулись парусники. Один из парусников, тот, что с алыми парусами, внезапно сбился с курса и, словно под влиянием какой-то неумолимой силы, стал приближаться к берегу, на котором стояла обнаженная красавица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.